

ФИЛОСОФИЯ

(шифр научной специальности: 5.7.7)

Научная статья

УДК 101

doi: 10.18522/2070-1403-2022-91-2-2-7

ФИЛОСОФИЯ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-ГУМАНИСТИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ ПРОТИВ ПОСТАВА: СХВАТКА ЗА ИДЕЮ УНИВЕРСИТЕТА

© *Алексей Александрович Бобков*¹, *Александр Иванович Бобков*²,
*Сергей Александрович Гальцев*³

^{1,2}*Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия;*

³*Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия*

¹ *iab71@inbox.ru* ³ *gans 1958@mail.ru*

Аннотация. Диагностика развития общества и прогноз его развития осуществляется философией науки и философией образования, социологией науки и социологией образования. При этом социальный инжиниринг политико-экономического дискурса не обозначает того, что на самом деле происходит в пространстве университета. «Постав» затмевает необходимость развития самосознания уникальности бытия, как основы мышления. Сегодня мышление вытеснено уже не знанием, а информацией. Информация уже вытеснила знание, поэтому философия должна вытеснить информацию и знание путем самоактуализации мышления в пространстве этнокультурной пустоты университета. Университет перестает воссоздавать воображаемые сообщества, ибо информация не воспитывает, а заставляет адаптироваться массу к массе. Чтобы этого не происходило, в пространстве университета просто необходим экзистенциально-гуманистический философский дискурс.

Ключевые слова: бытие, образование, университет, постав, экзистенциально-гуманистическое мировоззрение, философия, наука.

Для цитирования: Бобков А.А., Бобков А.И., Гальцев С.А. Философия экзистенциально-гуманистического мировоззрения против постава: схватка за идею университета // Гуманитарные и социальные науки. 2022. Т. 91. № 2. С. 2-7. doi: 10.18522/2070-1403-2022-91-2-2-7

PHILOSOPHY

(specialty: 5.7.7)

Original article

Philosophy of the existential-humanistic worldview against postav: battle for the idea of the university

© *Aleksey A. Bobkov*¹, *Aleksander I. Bobkov*², *Sergey A. Galtsev*³

^{1,2}*Irkutsk state university, Irkutsk, Russian Federation;* ³*Irkutsk national research technical university, Irkutsk, Russian Federation*

¹ *iab71@inbox.ru* ³ *gans 1958@mail.ru*

Abstract. Diagnostics of the development of society and the forecast of its development is carried out by the philosophy of science and the philosophy of education, the sociology of science and the sociology of education. At the same time, the social engineering of political and economic discourse does not mean what is actually happening in the university space. This «frame» overshadows the need to develop self-awareness of the uniqueness of being as the basis of thinking. Today, thinking is no longer replaced by knowledge, but by information. Information has already supplanted knowledge today, so philosophy should displace information and knowledge by self-actualization of thinking in the space of the ethno-cultural emptiness of the university. The university ceases to recreate imaginary communities, because information does not educate, but forces mass to adapt to mass. To prevent this from happening, an existential-humanistic philosophical discourse is simply necessary in the university space.

Key words: being, education, university, postav, existential-humanistic worldview, philosophy, science.

For citation: Aleksey A. Bobkov, Aleksander I. Bobkov, Sergey A. Galtsev Philosophy of the existential-humanistic worldview against postav: battle for the idea of the university. *The Humanities and Social Sciences*. 2022. Vol. 91. No 2. P. 2-7. doi: 10.18522/2070-1403-2022-91-2-2-7

Введение

Не стоит путать дегуманизацию с дегуманитаризацией, вместе с тем эти две составляющих культурной среды вуза взаимообусловлены. Если гуманитаризация предполагает акцентуацию внимания обучающихся на понимании культурного бытия человека, то гуманизация на понимании собственно человеческой идентичности в ее многообразии. Два этих процесса синхронны и именно они обеспечивают способность человека использовать академическую свободу в полном объеме. Утрата этих двух процессов в современной образовательной организации происходит в силу того, что наука, не обучающая мыслить, не умеющая мыслить сама, а лишь фотографировать бытие (Г.П. Щедровицкий) сама уже вытеснена из сознания простого обывателя техникой и технологией. Овеществление науки ведет к тому, что инженерное искусство становится синонимом мышления и научного мировоззрения. Техника становится источником свободы. Но свободы ли? Не забывает ли человек о том, что ему было известно раньше? Не забывает ли он истины смысла собственного бытия? М. Хайдеггер отвечает на эти вопросы конкретно. «Угроза человеку идет даже не от возможного губительного действия машин и технических аппаратов. Подлинная угроза уже подступила к человеку в самом его существе. Господство по-става¹ грозит той опасностью, что человек окажется уже не в состоянии вернуться к более исходному раскрытию потаенного и услышать голос более ранней истины» [4, с. 234].

Однако для пессимизма поводов мало, если далее понять то, что у М. Хайдеггера «Именно научно-технический навык подчеркнутого отворачивания от бытия хранит залог поворота к нему» [4, с. 424]. Когда объективная истина доходит до предела, тогда возникает тяга к мышлению в силу того, что утрата необходимости себя уже предельно надоела и ученику и учителю. Они заговорили о том, что наука в чем-то уже бессильна. Эпоха постава, когда утрата ожиданий обнаружения смысла человеческого бытия вполне стала очевидной, таит в себе тот факт, что что-то человеку уже неподвластно даже при расширенном технологическом господстве над природой. Пророчески звучит мысль М. Хайдеггера о том, что «Создав небывалую в истории подвластность вещей человеку, постав вплотную подвел его к тому, что ему, безусловно, неподвластно» [4, с. 424].

Границы науки — это то, что запускает процесс философствования. Через них человек осознает то, что ему неподвластно само бытие в любом его аспекте. Поэтому здесь необходимо либо исходить из себя, либо отступить перед бытием, дать ему возможность предстать во все полноте. Вопрос ни много ни мало идет о целостности бытия, обнаруженном через мышление, как целостности человека. Поиск этой целостности есть не что иное, как возвращение философии ее статуса, как единственной практики научения свободе через ее использование, как мышление.

Философия говорит: «Стой, человек. Ты потерял сам себя, как самобытие. Ты отказался мыслить и поддался насилию над природой как отсутствию понимания самого себя через нахождение в гармонии с ней, как с репрезентацией гармонии бытия. Созерцание этой гармонии и есть цель твоего образования и смысл твоей жизни. У тебя только одна идентичность — идентичность жажды созерцания полноты бытия, ведущее к предельному пониманию вечности твоего сознания, воплощенного в мышлении как возвращению к истокам бытия». Именно непонимание этой сути образования ведет к бесконечным реформам, основанным на мифе о том, что следование авторитету преподавателя или подчинение манипуляциям сознания ученика ведет к успеху.

Роботизация сознания есть важнейшее условие тотального неумения находить те просветы бытия, которые помогают в преодолении пограничной ситуации. Любая пограничная ситуация ведет человека либо к ускользанию, либо к утверждению смысла бытия, как просвета человеческого в природной мощи неподвластной ему. Эта неподвластность многими

¹В.В. Бибихин так обозначил смысл эпохи постава: «Хайдеггер понимает историческую эпоху как определенный способ воздержания (эпохе) бытия от своего прямого обнаружения. В эпоху постава бытие скрыто человеческим стремлением воссоздать его; это — эпоха подмены бытия его представлением».

воспринимается как отсутствие возможности овладеть вещами, а значит разрушить все структурное наполнение образования, как некоего управления, а не бытийствования. Ограниченность университета поставом ведет к тому, что полнота бытия, некогда заложенная как идея университета или его цель, утрачивается в силу того, что в споре факультетов арбитраж философии уже не полагается необходимой основой. Наука, достигнув границ, уже не хочет быть заменена на новую науку, создаваемую философией. Она стремится к тому, чтобы сама философия исчезла, растворилась в образовательном пространстве.

Только вся проблема заключается в том, что сама наука подчиняется технократическому произволу, за счет которого она пытается достигнуть уважения со стороны технократизированной власти. К чему это ведет? К тому, что мышление исчезает вместе с философией при наличии ее симулякров или суррогатов. Ведь гуманитарная критика, идущая, в том числе и на почве философии изгоняется из стен университета¹.

Обсуждение

Экзистенциально-гуманистическое мировоззрение выступает против постава в силу того, что духовная ситуация времени (К. Ясперс) требует философии. В эпоху постава неподвластное определяется как преодоленное варварство. О нем говорит философия, прописывая его здесь и сейчас. Преодоленное варварство постава на самом деле философская практика высвечивания ошибочной ориентации на утрату актуальности вопрошания о духовных первоначалах. Бескультуре постава неведомо в силу того, что, не смотря на технологическую грамотность, специалисты, не встретившие носителя экзистенциально-гуманистического мировоззрения, по мнению Х. Ортеги-и-Гассета *«бескультурны, у них нет жизненной системы представлений о мире и человеке, соответствующей времени. Этот средний человек – новый варвар, отставший от своей эпохи, архаичный и примитивный по сравнению с ужасающим настоящим и его проблемами»* [3, с. 33].

Только «отставание от эпохи» следует понимать в данном случае, как отставание от самой философии, дошедшей до смысла эпохи постава и заговорившей вновь о неподвластном, как об актуализации мышления. Теперь важно то, что философия вновь возвращает науку в культуру и говорит о непреодолимости идеи университета, даже если она как гуманитарная критика будет полностью запрещена. Это возвращение опасно тем, что иерархизация отношений преподаватель-студент обозначит проблему технократа, как человека, находящегося не на своем месте. Ведь наука есть производство идей, а не производство вещей. При этом если масса полагает, что наука – это, наоборот, то сама идея университета обречена на вечное реформирование. Так как наука, оставшись один на один с техникой без философии, будет воспринимать прогресс техники, как реализацию собственных идей. Практика техноразума заполнит мировоззрение студента так, что голос гуманитарной критики ему покажется тихим, а сама она безумием.

Сегодня пришло время выходить, подобно Диогену Синопскому, в пространство университета с фонарем среди бела дня и искать человека. Причина укрывается в том, что на понимание того, что образование – это в первую очередь самостоятельное мышление, не подчиненное авторитету в силу самобытия каждого человека. Экзистенциализм в своем поиске

¹Живописная картина столкновения технократа с носителем гуманитарной критики описана английским литературоведом Терри Иглтоном: «Несколько лет назад мне показали большой и весьма передовой в техническом отношении азиатский университет. Экскурсию проводил его гордый ректор. Как и подобает столь важным персонам, он передвигался в сопровождении двоих крепких молодых телохранителей в чёрных костюмах и тёмных очках; вероятно, под куртками у них были автоматы Калашникова. Восхищаясь новой замечательной бизнес-школой и самым современным институтом управленческих исследований, ректор сделал паузу, ожидая, что тут я вставлю пару слов грубой лести. Вместо этого я заметил, что, кажется, на территории его кампуса не ведётся никаких критических исследований. Он посмотрел на меня с таким удивлением, как будто я спросил, сколько степеней доктора философии они ежегодно присваивают за танцы на шесте, и сухо ответил: «Мы учтём Ваше замечание». Затем он достал из кармана маленький образчик передовых технологий, легким взмахом открыл его и произнёс несколько резких слов по-корейски – возможно, это был приказ «Убейте его». Прибыл лимузин размером с площадку для игры в крикет, охрана погрузила в него ректора, и машина уехала. Наблюдая, как она исчезает из поля зрения, я задумался, когда же приведут в исполнение мой смертный приговор» [2].

человека всегда говорит о том, что отступление перед бытием не есть потеря самости, не растворение в нем, а скорее установление того, где мы неподвластны другому, но не факт, что мы неподвластны себе. Постап диктует, что, если человек не подчиниться техноразуму, он уйдет от себя. Как будто в стандартизации мышления таится окончательное раскрытие сущности человека. Техника освобождает от длительности борьбы с природой, но она не освобождает от длительности понимания того, как эту борьбу вести.

Если университет представить как форпост борьбы с природой за истину, так тщательно укрытую ей, то вроде бы инструмент борьбы, коим является техноразум, вполне доказывает состоятельность союза между наукой и техникой. Техника требует действия, предлагая иллюзию некоего освобождения от власти природы, но не от власти бытия. Уже все труднее и труднее осваивать инструмент для борьбы с природой и все больше хочется не добывать энергию из нее в результате ее умерщвления, а достижения слияния субъекта и объекта. Достижения состояния репродукции редких моментов этого единения.

Постап сегодня заслоняет учителя от ученика. Теперь ученику неподвластно мышление, но подвластны те инструменты, которые предполагают через освобождение от него иллюзию раскрытия сущности человека, как условие его свободы. Входя в пространство университета, ученик хочет максимального увеличения способностей владения техническими новинками, как иллюзии способности к выработке оригинальных идей. Стремясь к встрече с наставниками, позволяющими освоить технический инструментарий, он обозначает свое нежелание встречаться с мыслью и мыслителями, и в первую очередь с самим собой, как мыслителем. Исключение такой встречи ведет к тому, что и встречи с человеком, как единственным существом способным к мышлению не будет. Раздробленное разными инструментами наук о природе бытие предстает уже очень далеким от целостности. Порой эта раздробленность вызывает необходимость поиска того, с чего собственно и началось исследование. Но приход к первоначальному пугает тем, что все исследовательские усилия были напрасны в силу того, что идея, лежащая в его основании, вновь показала неподвластность бытия исследованию. Нетронутость бытия особенно удручает тех, кто подумал о том, что овладение вещами и есть выход на постижение человеческой сущности и основа господства, как единственного выражения нахождения в сообществе «аристократии духа» (К. Ясперс).

Симулятивное сообщество «аристократии духа» покоится на следовании субординации, как необходимом условии понимания того, что преподаватель – учитель владеет чем-то, что неподвластно ученику вообще. Он владеет теми технологиями, которые ученик не успеет и не успевает освоить в процессе учебы, но, тем не менее, он помогает находиться в самонении причастности к сообществу «аристократии духа».

Аристократизм же духа в том и состоит, что никакой субординации нет и в помине. Незнание учителя столь же ценно, как и незнание ученика. Оно, незнание, их уравнивает. Они считают его отправной точкой для того, чтобы начать не столько исследовать что-то, сколько исследовать собственное мышление с целью различения того, где я мыслю сам, а где за меня это делают другие. Со всей очевидностью предстает им то, что мнение других, ведущее к «знанию овладевающему», не является собственно мыслью. Мнение отрицает незнание под страхом того, что человек может не считать незнание допущением господства над собой тех, кто понимает только одно, что господство должно продлиться.

Сократическое воспитание, как основной процесс подготовки подлинной «аристократии духа», по убеждению К. Ясперса превосходит два других вида воспитания в университете: схоластический и воспитание мастера. Для его осуществления подходит только философия как сущностное знание. Изменение философии идет как раз через подчинение преподавателя двум несократическим типам воспитания. Такое подчинение есть отказ от возможности экзистенциально-гуманистического мировоззрения в принципе. Поэтому следует согласиться с К. Ясперсом, полагающим, что «Воспитание является «майевтическим», т.е. оно способствует рождению в ученике сил, пробуждению имеющихся в нем возможностей, но без внешнего навязывания. Значимым является не случайный, эмпирический индивид со

своим особым характером, а самость, которая приходит к самой себе в бесконечном процессе самоосуществления. Стремлению учеников сделать учителя авторитетом и мастером противостоит сократический учитель как величайший соблазнитель учеников: он уводит их от самих себя и возвращает их к самим себе; он прячется за парадоксами, делая себя недоступным. Между ними существует только любовь, связанная с внутренней борьбой, – как процесс, не предполагающий подчинение себя учителю» [6, с. 74].

Сократический тип преподавателя стремится к тому, что М. Хайдеггер вполне справедливо называл «начальным мыслителем». Начальный мыслитель необходим философии для ее независимости с одной стороны и ее гуманизирующей экзистенции с другой. Сообщение начальных мыслителей делает философию неуязвимой, поскольку научиться мыслить без нее представляется невозможным. Не случайно М. Хайдеггер назвал их начальными. Они начальные потому, что «мыслят начало. Оно есть помысленное в их мысли» [5, с. 27].

Выводы

В контексте нашего исследования необходимо повторить то, что экзистенциально-гуманистическое мировоззрение отвергает обращение с бытием, как неким подвластным человеку предметом. Такое обращение отвращает от мысли, как мысли о начале. Убежденность носителя экзистенциально-гуманистического мировоззрения в том, что бытие не может нам быть подвластным и человеческое как часть бытия или его уникальная форма, в том числе ведет его к тому, чтобы в основание своего общения с учениками положить осторожное обращение с началом. Здесь смысл заключается в том, что иначе просвет бытия, как мысль, не состоится. Предельное выражение субъекта и проистекает от возвращения к начальному мышлению. Его ход М. Хайдеггер выразил следующим образом: «Кажется, будто «начало» – это некий предмет, за который мыслители, так сказать, берутся, чтобы его основательно продумать, но на самом деле общим для мышления настоящих мыслителей является отступление перед бытием. Если же в глубинно мыслящем мышлении начальное мышление оказывается высшим, тогда здесь совершается отступление особого рода, ибо эти мыслители «берутся» за «начало» не так, как исследователь «решительно принимается» за предмет своего исследования. Кроме того, для них оно не является произвольным порождением мысли. Начало не есть нечто, отданное на милость этих мыслителей, с каковым они в своем его постижении поступают так-то и так-то. Напротив, начало есть то, что само нечто совершает с этими мыслителями, ибо так захватывает их, что им приходится совершить предельное отступление перед бытием. Такие мыслители суть мыслители, *причиненные этим начинанием начала к нему самому*, как бы достигнутые им и собранные вокруг него». [5, с. 27].

Мышление о начале конфликтует с иерархиями постава, но делает это очень осторожно. Постава даже сначала не осознает, что развенчан, обозначен как абсурд. Без философии человеческое бытие кажется абсурдным в силу того, что возвращение к началу полагается правилом дурного тона. На самом деле, если мы не в состоянии отступить пред началом бытия, то мы уходим от самих себя, от необходимости себя.

Не все и не всегда с этим согласятся. Может возобладать и другая оценка начального мышления. Вот, например, позиция Ф.И. Гиренка говорит о том, что ускользание бытия, его неподвластность захватывают настолько, что быть, вообще не удастся¹. Неудачное бытие есть раскрытие вневременного характера мышления, как мышления между разными картинами мира. Мышление вклинивается тогда, когда одна картина мира достигла границы дальше за ней неподвластное, а другая еще не переиначила вещи, не создала инструменты для открытия потаенного. При этом потаенное и той и другой картины говорит об истоках бытия, но не о его начале.

¹«Взгляд изнутри разрушает дистанцию между миром и человеком, сталкивая человека в бесструктурный поток бытия. В этом потоке мир не скован логосом, не упорядочен законами, не расчислен понятиями. В нем нет устойчивости, в нем не за что ухватиться. Внутри этого взгляда мир перестает быть объектом, а человек субъектом. Здесь ничто не существует, здесь все становится без всякой надежды когда-либо чем-то стать. Здесь ничто не имеет цели в самом себе и, следовательно, пресекаются претензии бытия быть бытием. Все ускользает, оказываясь промежутком какого-то глобального промежутка» [1, с. 6].

Философия движется между факультетами, а технократ стремится ликвидировать разрывы, соединив несоединимое. Конструкт бытия не само бытие, он даже не небытие, но он пуст в силу того, что его временное пребывание обозначается как некое открытие. Бесструктурного бытия боится всякое «овладевающее знание», «знание существенное» против всякого структурирования в принципе. Точнее оно в тотальной сущности видит утрату сущностей. Внутренний взгляд экзистенциально-гуманистического мировоззрения добивается того, что бы изнутри были «видны не сущности, а сплошные различия и уникальности, т.е. все то, что в стабильном мире внешний взгляд относил к уродствам и аномалиям. В сущности все выглядит одинаково. В ней все кошки серы. В различии все случайно и индивидуально. В нем нет никакой монотонности» [1, с. 7].

Список источников

1. *Гиренок Ф.* Абсурд и речь. Антропология воображаемого. М.: Академический Проект, 2012. 237 с.
2. *Иглтон Т.* Медленная смерть университета. – URL: https://scepsis.net/library/id_3672.html (дата обращения 22.09.2020).
3. *Ортега-и-Гассет Х.* Миссия университета / Пер. с исп. М.Н. Голубевой; ред. пер. А.М. Корбут; под общ. ред. М.А. Гусаковского. Минск: БГУ, 2005. 104 с.
4. *Хайдеггер М.* Время и бытие: Статьи и выступления / Пер. с нем. М.: Республика, 1993. 447 с.
5. *Хайдеггер М.* Парменид / Пер. с нем. А.П. Шурбелева. СПб.: Владимир Даль, 2009. 382, [1] с.
6. *Ясперс К.* Идея университета / Пер. с нем. Т.В. Тягуновой; ред. пер. О.Н. Шпарага; под общ. ред. М.А. Гусаковского. Минск: БГУ, 2006. 159 с.

References

1. *Girenok F.* Absurdity and speech. Anthropology of the imaginary. M.: Academic Project, 2012. 237 p.
2. *Eagleton T.* The slow death of the university. – URL: https://scepsis.net/library/id_3672.html (accessed 22.09.2020).
3. *Ortega y Gasset X.* The mission of the University / Translated from the Spanish by M.N. Golubeva; edited by A.M. Korbut; edited by M.A. Gusakovsky. Minsk: BSU, 2005. 104 p.
4. *Heidegger M.* Time and being: Articles and speeches / Translated from German. M.: Republic, 1993. 447 p.
5. *Heidegger M.* Parmenides / Translated from German by A.P. Shurbelev. St. Petersburg: Vladimir Dal, 2009. 382, [1] p.
6. *Jaspers K.* The idea of the university / Translated from German by T.V. Tyagunova; edited by O.N. Shparag; edited by M.A. Gusakovsky. Minsk: BSU, 2006. 159 p.

Статья поступила в редакцию 9.02.2022; одобрена после рецензирования 15.02.2022; принята к публикации 25.02.2022.

The article was submitted 9.02.2022; approved after reviewing 15.02.2022; accepted for publication 25.02.2022.